

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С34

Фото автора на обложке ИЛЬИ ВАРТАНЯНА

В книге использованы фотографии из личного архива
АЛЛЫ СИГАЛОВОЙ

Издательство АСТ благодарит наследников ВИКТОРА АХЛОМОВА,
НАТАЛЬЮ РАЗИНУ, МИХАИЛА РЫЖОВА, телеканал “Россия —
Культура”, журналы *Hello!*, *OK!* и “Красота & Здоровье” за любезно
предоставленные фотографии

Текст публикуется в авторской редакции

Сигалова, Алла Михайловна.
С34 **Счастье моё! /Алла СИГАЛОВА.** — Москва : Издательство АСТ,
2019. — 316, [4] с.

ISBN 978-5-17-112055-9

Известный хореограф Алла Сигалова написала не обычную автобиографию, не обычные мемуары. “Счастье моё!” — это честная история о людях, бывших рядом и оставшихся в памяти и сердце: о Романе Козаке, Сергее Вихареве, Алексее Овечкине, Олеге Ефремове, Михаиле Барышникове. Это тонкая психологическая проза, сплетенная из парадоксов: пройдя в юном возрасте через боль и разочарование, Алла смогла начать всё заново; в непростые девьяностые продолжала заниматься искусством, организовав “Независимую труппу Аллы Сигаловой”; после стольких утрат не потеряла надежду и веру. Она не рассказывает о себе, но пытается себя понять, не пишет о своей жизни, а снова проживает ее. Репетиции, спектакли, гастроли, танец, музыка, любовь. Может, всё это и есть счастье?

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-112055-9

© Сигалова А.М.
© ООО “Издательство АСТ”

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вместо предисловия</i>	7
Ленинград. Лисий Нос	23
Улица Росси	29
Михайловы	33
Вагановское	45
Дудинская. Наталия Михайловна	51
Генслер	55
ГИТИС	61
Москва. Центральный телеграф. До востребования	67
Мама	77
Встреча	93
Дом композиторов	101
Олег Николаевич	107
На улице Неждановой	117
“Сатирикон”	123
“Независимая труппа Аллы Сигаловой”	131
Серёжа-Серёженька	143

Гидон	153
Лёша	161
Колобов. Новая Опера	191
Михаил Николаевич. Миша	197
Алвис	211
“Табакерка”	229
Алекси-Месхишвили. Гоги	235
Бостон	241
Таня	259
Глинка	263
Время перемен	265
Эрнст и Эрнст	271
Ученики	279
Школа-студия МХАТ	291
Урсулячка. Сашуля	297
И еще... ..	301
Вперед!	303
Именной указатель	307

Я опять не сплю. Я опять смотрю сквозь липкую темноту на дверь своей комнаты... кажется, еще секунда — и ты появишься, чуть ее приоткрыв, как всегда тревожась меня побеспокоить и как всегда удивляя меня своей внимательностью и чуткостью... Я смотрю и смотрю на дверь... сейчас это стало частью моей жизни, частью моих ночей.

Я опять не сплю. Я опять напряженно всматриваюсь в темноту, я смотрю на дверь...

Я вхожу в квартиру, и ты всегда встречаешь меня, что бы ты ни делал, каким бы серьезным делом ни был занят, услышав мягкий хлопок остановившегося на нашем этаже лифта, ты стремительно спешишь к входной двери, чтоб меня обнять, помочь снять пальто, плащ, шубу... Также, уходя из дома, я знала, что ты оставишь все дела и выйдешь в прихожую меня проводить. Этот порядок, эту традицию ввел в нашу жизнь ты, так было все семнадцать лет, и иначе быть не могло. Даже тогда, когда каждое движение причиняло тебе нестерпимую боль и подняться с кровати

стоило немислимых усилий, ты это делал, делал именно в этих двух случаях: ты всегда меня встречал и всегда меня провожал.

Лифт останавливается на нашем этаже, я подхожу к двери, достаю ключ, открываю дверь... тишина, я вхожу в наш пустой дом.

8

Мы часто разъезжались в разные города, в разные страны, мы редко ездили провожать друг друга в аэропорт или на вокзал, но ты всегда брал мой чемодан и провожал меня к машине.

Последний раз ты с трудом поднял мой маленький чемоданчик, на все уговоры, что тебе не надо, что мне не тяжело... ты устало улыбался и качал головой. Тогда, в начале мая, я уезжала на несколько дней в Ригу, и ты в последний раз погрузил мой чемоданчик в такси и помахал обтянутой сухой кожей ладонью. Ты повернулся к подъезду, я увидела твою сгорбленную узенькую спину, и у меня сжалось сердце, комок раснял горло.

Новый год мы встречали в Италии, в старинном городе Модена. Я там работала, и вся семья приехала ко мне на праздники. Была разработана программа путешествий в ближайшие к Модене города: Верона, Флоренция, Падуя, Болонья, Венеция, Мантуя... Утром вы уезжали, а я шла на репетицию. Возвращались вы со-

всем поздно, дети были возбужденные, радостные... ты приезжал уставшим, валился на диван и, чуть передохнув, начинал рассказывать о своих впечатлениях, и, скинув сделанные фотографии с фотоаппарата в компьютер, мы все, сгрудившись у экрана, рассматривали их с комментариями, которые вы делали, перебивая друг друга.

В новогоднюю ночь ты остался лежать на диване в отеле, и на старую ратушную площадь мы пошли без тебя. Новый год по московскому времени мы уже встретили, ты весь вечер пытался наладить русский ТВ-канал в интернете, чтоб не пропустить бой курантов.

9

За две недели вашего пребывания в Модене у меня было два выходных. В первый свободный день мы решили никуда не ехать, а погулять по городу. Во второй выходной мы все вместе поехали в Болонью. Завораживающей красоты город. Мы гуляли целый день, заходя в ресторанчики, музеи, магазины. Это был один из тех зимних дней, когда нет пронизывающего ветра, всё тихо, сыплет густой рваный снег, глухо, спокойно и сумеречно, словно кто-то выключил звук и притушил свет. Нам было хорошо, и казалось, таких путешествий, таких тихих снежных дней в нашей жизни будет много-много... Мы купили красивые подарки друг другу и уехали из Болоньи, когда было уже совсем темно.

Это было наше последнее путешествие, это был наш последний Новый год, это была наша последняя зима.

Ты всегда удивлялся: как может быть, что при таком обильном поглощении книг я умудряюсь так безграмотно писать, удивлялся мягко, с восхищенно-покровительственной улыбкой. Я всегда стеснялась этого, писать письма я избегала, а в компьютере ты мне сразу поставил программу автоматического исправления орфографических ошибок. Но я никогда не стеснялась задавать тебе вопросы: а как пишется?.. а что значит?.. а что такое?.. Ты всегда погружался в ответ и делал это подробно и легко, как может отвечать на самые глупые вопросы маленького ребенка нежнейше любящий отец. Мой папа умер, когда мне было двадцать семь, с мамой они разошлись, когда мне было шесть... Видела я его редко, обожала безмерно. Моя "взрослая" жизнь, жизнь без родителей, началась с десяти лет, когда я уехала в Ленинград, поступив в хореографическое училище, и хоть в Ленинграде были родственники — не было папы и мамы! Это отсутствие родителей в период, когда они нужны до боли, до бессонных ночей, до слез в подушку, наложило отпечаток и на мой характер, и, следовательно, на всю мою жизнь: отсюда замкнутость, болезненная застенчивость, жесткость.

С тобой я могла позволить себе быть балованным, обожаемым ребенком — иногда непоседливым, иногда глупым, иногда невоспитанным, иногда капризным, но, я знала, всегда, всегда нежнейше любимым.

Ты мне разъяснял всё: от политических новостей до неизвестных мне терминов, ты учил меня пользо-

ваться телефоном и компьютером, помогал приоравливаться к техническим новинкам, ты мне, словно несмышленому ребенку, объяснял, как не заблудиться в незнакомом аэропорту, как доехать до необходимой улицы в незнакомом городе и еще много-много разъяснений и объяснений, которые я могла получить только от тебя, и всё просто, легко, распахнуто.

11

Твой маленький чемоданчик появился в прихожей моей квартиры неожиданно: я пришла с репетиции и, открыв дверь, наткнулась на него — это было фактическим подтверждением твоего решения жить вместе. И с твоим чемоданчиком в доме поселился твой теплый, низкий голос и твой смех. Я не встречала никогда другого человека, который мог так смеяться, как ты: открыто, заразительно, ярко, во весь объем могучих легких, во весь объем своего большого тела. Раздавался звонок телефона, ты брал трубку, звонил кто-то из твоих друзей или просто кто-то... и дом заполнялся баритональными переливами твоего голоса и взрывами покровительственно-ласкового смеха. Я обожала этот смех. Наверно, именно во всплесках этого смеха и были мгновенные, пронзительные ощущения счастья.

Наш дом был закрытым домом, редко мы приглашали друзей, мы, словно не сговариваясь, берегли его тишину. Пока рос Мишка и выросла Аня, конечно же, дом за-

полнялся их жизнью. Когда в доме маленький человек, всё дышит его беганьем, плачем, прыганьем, песенками, играми... Дети выросли, и дом становился тише. Каждый погружался в свои компьютеры — тогда дом совсем затихал, на время. Самые громкие эпизоды нашей жизни проходили в моменты, когда Мишуня просил тебя объяснить не поддающуюся решению задачу по математике. Всё начиналось с мирного, сдержанного тона — ты прекрасно всё объяснял, терпеливо, ласково, долго, неоднократно повторяя варианты решения, но приходил момент — и ты взрывался. Мишуня начинал мелко моргать ресницами, сдерживая слезы, я, собрав себя в комок, вышагивала в соседней комнате, всеми силами сдерживая желание вмешаться и остановить “уроки знаний”. Затихало всё довольно быстро, но память этого звука еще несколько часов растекалась по комнатам, разрушая привычное спокойствие и радостную, драгоценную тишину.

Юрмала... В первый раз вместе мы приехали сюда со спектаклем “Банан” по Славомуиру Мrojeку, во время постановки которого, 30 декабря утром, по дороге в Дом культуры им. Зуева, где проходили репетиции, мы заехали в ЗАГС на 3-й Тверской-Ямской, и на репетицию, захватив несколько бутылок шампанского, приехали уже мужем и женой. Этот спектакль был спродюсирован Валей Панфиловой, с которой нас связывали теплые, дружеские отношения и которую ты всегда с ироничной ласковостью называл “феей”. Ком-

пания в этой работе сложилась замечательная: Ляночка Шанина, Лариса Кузнецова, Валера Гаркалин, Максим Суханов, Саша Балувев и художник Паша Каплевич. Наши рижские гастролы проходили в Рижском русском театре. Был май. В Юрмале, где нас поселили, было солнечно, гудел пронзительный балтийский ветер, мы радовались и солнцу, и ветру, и белой полосе песчаного пляжа, и нашим веселым талантливым товарищам, вкусной еде, и аплодисментам зрителей, и сладостному, весеннему ощущению широкого дыхания. Эти гастролы и стали началом нашей влюбленности в этот город, в эти сосны, в этот воздух... Потом были спектакли, которые мы здесь делали, некоторые вместе, некоторые отдельно... Здесь каждое лето мы жили и работали, здесь выросли наши дети, здесь мы обросли друзьями и радостями.

Нашу квартиру в Юрмале я благоустроивала с особым рвением — это было исполнением нашей мечты. Мы здесь прожили вместе только одно лето... Потом эта квартира стала пунктом передышки на пути между Германией и Москвой, между клиникой в Висбадене и домом. Ты любил быть здесь, ты погружался в юрмальскую неторопливость, и здесь казалось, что мы скрыты от суеты, волнений, боли, забот, лекарств, врачей, капельниц, от всего, что было связано с двумя точками земли, между которыми теперь проходила наша жизнь, и в середине этой линии была Юрмала, юрмальский песок, юрмальский ветер. В свой последний май ты каждый день говорил о Юрмале, что ты вот чуть-чуть окрепнешь — и мы уедем туда на всё лето...

Последний май.

Мы не говорили про болезнь, делали вид, что ее нет в нашем доме, жили “как всегда”, будто лечение — просто деловая часть нашей жизни, нашего обычного расписания. Шли репетиции “Доходного места” Островского. Мы строили планы на будущее. Страшное отодвигали. Отгоняли. Боролись.

14

План у меня такой. Сейчас сыграем Островского, потом, если всё сложится, я буду делать новую пьесу Петрушевской. Абсолютно оглушительная история на четырех женщин, две матери и две дочери — называется “Танго «Квадрат»”. Я такого давно не читал и очень горд, что она дала пьесу мне, ведь за ней охотятся многие! Это будет в филиале. А на большой сцене попробую сделать “Книгу о вкусной и здоровой пище”. Понимаете, всё это изобилие вранья об изобилии так сопрягается со временем, в которое мы живем. Вроде бы странно: пятидесятые годы, вторая волна репрессий — и вдруг эти феноменальные статьи о засолке помидоров, об ананасах и кавказских винах. Да сама вступительная статья, которую написал Микоян, уже способна быть спектаклем! Мне видится такое путешествие по жанрам, почти цирковое действо.

Это слова из последнего твоего интервью Алле Шендерович, опубликованного 25 мая 2010-го. За три дня до последнего твоего утра. Читая эти фразы, я поражаюсь твоей силе и жизнелюбию. Ты всё понимал, но до конца не подпускал ЕЕ, хлопывал перед ЕЕ носом дверь.

Мы не оставляли тебя одного, всегда кто-либо из родных был рядом, проводил день и ночь, так мы сменяли друг друга с твоей мамой — Александрой Абрамовной и с другими близкими. Это было утро, когда я должна была пойти на работу, а после ехать к тебе в подмосковный санаторий. Когда в восемь часов взорвался звонок, я сразу почувствовала, поняла всё... Ты лежал в спальне санаторного номера, сжимая в правой руке телефон. По многолетней традиции, просыпаясь, ты звонил мне, всегда. 28 мая 2010 года не успел. Телефон остался в сухой, крепко сжатой ладони.

Я не знаю, зачем я пишу эти строки. У меня нет потребности с кем-либо поделиться своими воспоминаниями о тебе. О тебе и о себе. Прожитые дни этих семнадцати лет останутся запертыми в моем сердце, в моем сознании, в моей памяти. Разве возможно рассказать о чередке дней, заполненных тревогами, надеждами, разочарованиями, восторгами, бессилием, счастьем, яростью, безысходностью, отчаянием, радостью, одиночеством...

У меня нет слез.

Я выкручиваю свою глотку, ввинчивая внутрь взрывающий меня крик.

С ухода Ромы сейчас, когда я пишу эти строки, прошло восемь лет. С грустным удивлением я наблюдаю, как многие, кто назывался его другом или учеником

и клялся в памяти ему, забыли и об этих обещаниях, которые никто не вытягивал из них, и о дружбе, и о том, что многие из них получили возможность интересно работать, безбедно жить, строить свою карьеру просто потому, что когда-то попали в круг его дружеского участия, режиссерского становления, педагогического покровительства, профессиональной ответственности. Горько видеть, как актеры, начинавшие свой путь в его спектаклях, говоря об успехах этих спектаклей, гордо рассказывая о калейдоскопе их зарубежных гастролей, забывают, а может быть, намеренно пропускают фамилию режиссера, которому должны были бы ну если не быть благодарными, то хотя бы не подтасовывать факты. Другие, гордо постукивая кулачком в грудь, рассказывают о причастности, верности памяти и всё такое прочее, опуская не совсем порядочные поступки, совершенные в адрес Ромы и теперь благополучно стираемые ластиком. Да, я не прощаю и не прошу всех тех, кто в последние годы Роминой жизни, самые тяжелые годы... доставлял ему боль тщеславными поступками, совершаемыми за его спиной. Я не забыла. Я помню каждый нюанс его телефонных разговоров с этими людьми, который он тяжело проживал и к которым бесконечно возвращался в общении со мной, ища им оправдания и пытаюсь найти доводы, чтоб реабилитировать преступившего. С этими людьми я прекратила общение, их желания объясниться не приняла и не принимаю. Забавно наблюдать, как многие пытаются перелицевать факты, создать легенды, не относящиеся к действительно происходившему. Да, время стирает многие, очень

многие очертания, и сюжеты расплываются в стремительном беге лет... но я помню. Я не держу зла на тех, кто преступил, я бронированным крейсером проплываю мимо них, не замечая, не оборачиваясь... Но всё то, что мы прожили за последние годы Роминой жизни, хирургическим скальпелем врезано в мою память.

Почти восемь лет, прошедших после... За это время я не слышала от многих из тех, кто назывался друзьями, вопроса о необходимости помощи. Да, я понимаю, что производжу впечатление преуспевающей в карьере, уверенной в себе и не терпящей никаких сентиментальностей женщины, но разве такая надобность в большей степени нужна мне, а не им, тем, которые в первые часы моего необратимого одиночества говорили, что будут рядом и придут на помощь при первой необходимости. Я полагаю, человек просит о помощи тех, в чьем чистосердечном желании помочь не сомневается, не сомневается в возможности ее получить без лишних вопросов, жалостливых увещеваний, долгих объяснений. Потому ценность тех, кто всё это время рядом, тех, кто хочет быть близким и участвовать в преодолении сложностей жизни, помогать, не ожидая просьбы о помощи, становится во сто крат значимее всех высокопарных слов, не подкрепленных действием.

Я очень ревнивый человек, я хочу и после Роминого ухода ни с кем его не делить и поселившуюся во мне боль тоже не делить и не делиться. Это моя боль, я никого к ней не подпускаю. Я абсолютно эгоистична в проживании ее.